

P1 $\frac{2}{355}$.

320
К44

9/2
35

В. БЫСТРЯНСКИЙ

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ

И

ЕЕ МЕТОДЫ

(Белый террор прежде и теперь)

1260/5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ * 1920

Контр-революция и ее методы.

(Белый террор прежде и теперь).

I.

Массовый белый террор против рабочих и крестьян применялся контр-революционерами на той территории, где им удалось свергнуть власть рабочих и крестьян и восстановить господство помещиков и капиталистов.

К террору прибегали их агенты и там, где рабоче-крестьянская власть стоит крепко,—в самом сердце Советской России.

Наши враги кричат о «зверствах большевиков», но те репрессивные меры, которые вынуждены применять рабочие и крестьяне для подавления сопротивления эксплуататоров, не идут ни в какое сравнение с ужасами белого террора контр-революции.

Так обстояло дело и во время величайшей из буржуазных революций—французской революции конца XVIII века.

Луи Блан в своей «Истории французской революции» (том XII, 42) пишет по этому поводу:

«Белый террор, который знаменует торжество термидорианцев и воскрешение роялизма, превзошел в своих ужасах даже сентябрьские избиения, даже расстрелы Колло д'Эрбуа и массовые потопления Кирье.

«До настоящего времени о жертвах красного террора составлялись самые точные списки. От революции, защищавшей родину от союза королей извне, а внутри от предателей и их сообщников, потребовали отчета день за день, почти час за часом, во всех нанесенных ударах и о всех отрубленных головах. Когда надо было покрыть позором солдат, пришедших в восторг от нового для них мира, не пропустили, чтобы повлиять на впечатлительность читателя, ни одного подробного описания отдельного изуверства или целой картины общего погрома. Но к этому же приему истребления прибегает тогдашняя партия умеренных, не имея никакой иной побудительной причины кроме ненависти,—она действует подобно разбойникам на большой дороге. Но все это тщательно прикрывается. Пора узнать всю правду; наступило время показать, как термидорианская реакция заменила револю-

ционный трибунал царствованием убийц. Между красным и белым террором существует то различие, что последний не допускал ничего, что напоминало бы судебное разбирательство или законные формы».

Революция, доказывает Луи Блан, делала все, что было в ее силах, чтобы шадить невинных, что доказывается многочисленными оправдательными приговорами ее трибуналов.

Иначе поступали белые.

«Тайные же убийцы контр-революции, наоборот, не признавали никакого расследования перед убийством,—продолжает Луи Блан,—они не допускали никакой проволочки между мыслью и исполнением. никакого законного посредника между палачом и жертвою, они приглашали в палачи всякого, кто имел кинжал для служения **умеренности**; они поставили себе за правило убивать из-за угла всякого, кто, правильно или ошибочно, казался им якобинцем, где бы его ни встретили, на пороге собственного дома, на повороте дороги, на улице; их избиения в тюрьмах отличались той новою особенностью, что в некоторых городах убийцы были в масках; в других же они делали из этих побоищ зрелища с толпою зрителей; наконец, в третьих, они направляли пушки против темниц и заживо сжигали беззащитных узников, чтобы отдохнуть от трудов их избиения.

«Главарь красного террора были людьми со стойкими убеждениями, фанатики общественного спасения, с мрачною и жестокою душою. Но они хоть говорили языком своих действий; они не поносили человечность с обгаренным кровью ножом в руках, стоя на наваленных трупах; они не душились и не румянились, идя на совершение казней.

«Сторонники же белого террора, наоборот, были людьми с вежливыми приемами, нарядными прожигателями жизни, модными жемчужинами, часто людьми показного благочестия. При господстве белого террора страшные мысли высказывались самым женственным образом; давали честное слово убивать своего врага безоружным; узников расстреливали из пушек или сжигали живьем, следуя предписаниям хорошего тона, чтобы доставить удовольствие дамам, били плетью на улицах несчастных девушек, виновных в том, что они со слезами кидались на тела своих убитых отцов. Убийство вошло в обиход хорошего общества».

125 лет после Великой Французской Революции наши белые подражали, может быть, в еще более жестоких формах контр-революционному террору французских монархистов.

Они сжигали живьем пленных красноармейцев, они устраивали публичные казни рабочих и крестьян на потеху буржуазии,—они подвергали их жестоким пыткам, которые может придумать только самая извращенная фантазия садистов.

И как французские «мюскадены», наши палачи рабочих и крестьян также являлись людьми «из хорошего общества»,—это князья

и бароны принимали самое близкое участие в последнем белогвардейском заговоре в Москве, это кто-либо из их «стаи славной» бросил бомбу в помещение Московского Комитета!

II.

Каждый день приносил нам все новые и новые вести об ужасах белого террора в местностях, перешедших во власть белых... Мучения оставшихся в стане победителей рабочих и крестьян превосходят всякую меру,—по сравнению с ними бледнеют даже рассказы о красном терроре, измышляемые нашими врагами. Тысячами повешенных, сожженных, изувеченных озаглаживает свой путь торжествующая контр-революция.

Так было и раньше,—в эпоху Великой Французской революции. Сторонники монархии, роялисты, не отступали ни перед какими жестокостями в той гражданской войне, которую они вели против французского народа.

Бальзак в своем романе «Les Chouans», сюжетом которого является Вандея, говорит об «ужасах» гражданской войны, «от жестокостей» которой отреклись бы, пожалуй, людоеды.

Но важно отметить, что каннибальские приемы пускались в ход как раз противниками революции.

Вот как описывает приемы вандейцев Луи Блан:

«Горе республиканцам, которых им удалось захватить! Все, что способна изобрести в деле пыток самая утонченная жестокость, тотчас же пускалось в дело, во имя Бога и короля.

Госпожа Ларош Жаклен (одна из вождей роялистов), сама признает, что война перемешалась с разбойничеством и тысячью бесчинств. Правда, она прибавляет: «Изуверство республиканцев ожесточило самые твердые души». Но республиканцы, с своей стороны, утверждали, что они только мстили, и вполне достоверно, что пример жестокостей, превращающих войну в убийства и позорящих победу, был подан в Машкуле вандейцами, сподвижниками Шаретта».

(«История Великой Французской Революции» IX, 282).

А вот как Луи Блан рисует машкульские зверства роялистов: «Ужасы во имя Божие и короля далеко превзошли ужасы сентябрьских дней. По крайней мере в сентябре кровавая расправа творилась под впечатлением громадных опасностей, в ослеплении яростью; в сентябре даже самое это ослепление не послужило препятствием к вмешательству суда, который, как ни был ужасен, но все же постановил много оправдательных приговоров; в сентябре смертные приговоры были прикрываемы обманчивыми формулами, чтобы жертва могла быть до последней минуты избавлена от тяжелой уверенности в неизбежности смерти: в сентябре если и убивали людей, то по крайней

мере среди мрачной тишины, и проявлениями радости сопровождалось лишь торжество тех, кто был признан невиновным» (Т. VIII, 161).

«Председателю округа Жуберу, прежде чем убить его, отпилили кисти рук. В землю зарывали живых людей, и, как пишет Бошан, «по отвоевании города, на обширном соседнем лугу, где хоронили убиваемых республиканцев, можно было еще видеть торчавшую из земли руку, которая ухватилась за пучок травы и казалась рукою привидения, тщетно старавшегося вылезть из могилы» (VIII, 163).

Правда, и революция знала эксцессы, неизбежные при всяком народном движении, но прибавляет Луи Блан:

«Разница была только в одном: революция сама карала людей, запятнавших себя на службе ей; у всех этих Шнейдеров, Тальенов, Фреронов, Колло-д'Эрбуа, Фуше, Каррье не было более неумолимого судьи, чем Робеспьер, тогда как роялизм, напротив, сплетал венки виновникам преступления, от которых он получал выгоду» (IX, 171).

У отживающего класса, который все должен потерять с победой революции, нет выбора;—перед тем, как сойти со сцены, он делает отчаянные попытки остановить победу нового мира безумной жестокостью, перед тем, как погибнуть, умирающий класс пробует утопить в крови ростки новой жизни.

Так было, так будет,—пока окончательная победа пролетариата не обезвредит раз навсегда класс эксплуататоров.

III.

Победившая буржуазия всегда бывает беспощадна к своему классовому врагу.

Хорошо известна блестящая страница, которую Маркс посвятил расправе Тьера с парижскими коммунарами в 1871 г.

«Порядок, справедливость и цивилизация, наконец, одержали победу.

«Да, это была победа. Цивилизация и справедливость буржуазного порядка выступают в своем истинном, полном ужаса, свете, когда рабы этого порядка восстают против господ.

«Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются неприкрытым ничем варварством и незаконной местью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатство с присвояющими его показывает этот факт все с большей яркостью. Перед небывалыми ужасами 1871 г. бледнеют даже мерзости буржуазии в 1848 г. Самоотвержение, с которым весь парижский народ—мужчины, женщины и дети—еще целую неделю сражался после того, как версальцы ворвались в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские подвиги солдатчины отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были,—цивилизации, которая после окон-

чания битвы стояла перед задачей, куда девать массы трупов убитых ею людей. Поистине, великая цивилизация.

«Чтобы найти что-либо похожее на поведение Тьера и его палачей, надо вернуться к временам Суллы и римских триумвиратов. То же хладнокровное массовое избиение людей; то же безразличное отношение палачей к полу, возрасту жертв; та же пытка пленных; те же гонения, только на этот раз уже против целого класса; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы никто из них не спасся; те же доносы на политических и ложных врагов; то же равнодушное избиение людей, совершенно непричастных к борьбе. Разница только в том, что римляне не имели митральез, чтобы расстреливать пленных толпами, что у них не было «в руках закона», а на устах слова «цивилизация» («Гражданская война во Франции 1871 г.»).

Финская буржуазия во всяком случае, не уступила Тьеру в своей зверской расправе с рабочими. Изданная Петроградским Советом рабочих и красноармейских депутатов книга Катайя—«Террор буржуазии в Финляндии»—показывает, что ожидало бы рабочих Питера, если бы пришел Маннергейм.

При своем наступлении на Гельсингфорс, во время боев на улицах города, белогвардейцы принуждали женщин и детей идти перед собой с поднятыми вверх руками...

Хватающие за сердце стоны несчастных матерей и детей покрывали треск пулеметов и ружейные залпы. Но никто не мог их вырвать из рук жестоких палачей. Грудами остались их трупы на мосту взывать о смерти и мести буржуазии.

С такою же жестокостью действовали белогвардейцы при взятии так называемых Абоских казарм в Гельсингфорсе. В эти казармы собралась целая масса женщин и детей, бежавших из окрестностей города. Окружив казармы, белогвардейцы не выпустили оттуда беглецов, которые все погибли от пуль, задохнулись в дыму или сгорели.

В табачной фабрике Боргстрема засело около 175 работниц, которые сражались отважно против сухопутных белогвардейских и морских немецких сил. Рассказывают, что почти все эти отважные женщины пали. Во время защиты рабочих кварталов Сернеса (рабочая часть города в Гельсингфорсе) также отличились главным образом девушки, члены обществ молодежи.

Газета «Свенска Дагблад» рассказывает, что при взятии Гельсингфорса было поймано 40 «красных женщин». Рассказывают, что у них было оружие, и поэтому они «были уведены на лед и без всяких рассуждений расстреляны».

При взятии Шведского театра в Гельсингфорсе, являвшегося также позицией красных, белые заставили взятых в плен красногвардейцев идти вперед. При этом пало несколько десятков пленных.

Но всю свою злобу белогвардейцы выявили уже после своей победы.

«Уже во время самых сражений белогвардейцы действовали хуже кровожадных зверей,—пишет Катайя.—«Личная жестокость являлась их существенным свойством.

«Но теперь все известно: финляндский рабочий класс в целом, от крайнего севера до Гельсингфорса, принес, начиная с самого первого дня борьбы, гораздо более тяжелую кровавую жертву, чем пролетариат какой бы то ни было страны до тех пор» (6).

После победы белых начались бесчисленные казни без суда.

«В одном месте,—рассказывает шведский художник Мирен,—ротмистру пришлось просмотреть список пленных, причем выяснилось, что без приговора было расстреляно 41 человек, в том числе одна 17-летняя девушка, которая провинилась в том, что приготавлила красным пищу».

По более или менее точным, веденным красными, записям, красногвардейцев в Кюммене пало на фронте лишь 43 человека. Все остальные «павшие» относятся к убитым белогвардейцами.

Казни рабочих совершались публично.

«На праздник Тронцы в Свеаборге были устроены казни заключенных, причем присутствовать при этом были приглашены буржуазные писатели и общественные деятели. Им хотели показать, что осужденных при казни не мучают, и приглашенные белогвардейские гости остались на этот раз вполне довольны казнями» (8).

Казням предшествовали пытки.

«14 апреля, по рассказам очевидцев, было расстреляно пулеметами в пригороде Тело в Гельсингфорсе 20 красногвардейцев. В другой раз в одно укромное место в Тэле привели 6 красноармейцев. Они находились в ужасающем виде. У них были выколоты глаза, у других вырезаны уши, у некоторых была разбита голова так, что мозги выступали наружу. После таких долгих пыток их не очереди расстреляли».

Вот что рассказывает очевидец о действиях белогвардейцев в окрестностях Лахтиса:

«Пленных уводили группами приблизительно по двести человек в леса или на новое кладбище Лахтиса, где их расстреливали пулеметами. Выстрелами из винтовок убивали тех из них, которые еще могли подняться с земли. Пулемет работал непрерывно по несколько часов в день. Вопли и жалобы пленных не помогали. На эти вопли отвечали с насмешкой: «Вы лишь красные черти». По собственному сообщению одного белого солдата, в один день было расстреляно около 200 женщин разрывными пулями, причем куски мяса и мозга разлетались вокруг. Пленных принудили выкопать могилы этим несчастным» (9).

Буржуазная пресса оправдала эти зверства.

«Называя революционных рабочих зверями, «Дагенс Пресс» пишет: «Является ли освобождение зверей милосердием и правом?»

Правильно ли кормить этих зверей в такое время, когда из-за них не хватает хлеба и осиротелым семьям?» (10).

Правда, всех рабочих буржуазия была не в состоянии истребить.

«Да буржуазия и не могла их всех расстрелять, не отказавшись в то же время от своих грабительских барышей. Но метить она все еще хотела».

Жестоко метила буржуазия и тем из пленных, которым она даровала жизнь.

«Несмотря на то, что в кровавых банях последних дней классовой войны было уничтожено необычайно много людей, все же попало живыми в плен несколько десятков тысяч. Их собирали и сгоняли как скот в концентрационные лагеря для пленных. Туда же сгонялись и беженцы, мирные граждане, бежавшие из районов военных действий или из эвакуированных местностей, поскольку их не успели на месте расстрелять»...

Белогвардейская власть искала красных, оставшихся на свободе.

«Предпринимались настоящие облавы—с собаками. Таким образом добыча увеличивалась сотнями и тысячами» (12).

И добыча буржуазии была велика.

«По официальным белогвардейским сведениям было таким образом заключено в лагеря для пленных и в тюрьмы во всяком случае более 70.000 мужчин, женщины и детей (точной цифры никто не знает). Если принять в счет убитых и раненых, то не будет далеко от истины, если скажем: все организованные рабочие Финляндии или в могиле или в кандалах» (13).

Только часть того, что вытерпели пленники буржуазии, могла стать известной.

«Многочисленные уста, которые могли бы рассказать о все новых и новых зверствах, замолкли навсегда. Каждый заключенный страдал, каждый имел свой ад» (14).

Тысячи заключенных умерли от недостатка пищи и жестокого обращения.

«В Свеаборге из 6.000—7.000 заключенных умерло до августа месяца одна треть» (15).

Массовый террор буржуазии против пролетариата подрывал в корне хозяйственную жизнь Финляндии,—как это было с Парижем после разгрома Коммуны.

«Среди войск вспыхивали восстания из-за плохой пищи. Сельские хозяева не продавали в достаточном количестве хлеба, осмываясь то, что они не могут производить в достаточной мере, так как рабочая сила находится в тюрьмах. Фабриканты также хотели пустить в ход свои фабрики, но квалифицированной рабочей силы не имелось совсем на рынке. Эта рабочая сила находилась или в могиле или в кандалах» (22).

Тогда буржуазия начала составлять всевозможные проекты использования рабочей силы заключенных.

«Германия обещала дать товары, но лишь в обмен на другой товар. В Финляндии чувствовался большой недостаток в удобрительных веществах и материалах. Их можно достать из Германии. Итак, для начала обмениваются 5—6 тысяч красных рабочих на удобрение и минералы. Потом можно послать и больше, по мере того, как торговля разовьется. В обмен на удобрительные вещества можно получить от сельских хозяев хлеб...

«Сейму было приказано,—что он, конечно, и сделал,—издать закон, по которому осужденного можно послать для исполнения каторжных работ за пределы страны, в чужое угнетательское государство, не спросив для этого его собственного согласия» (23).

Исчерпав все методы внесудебной расправы, буржуазия перешла к террору «законным» путем.

«Обхождение во время допросов было зверское. Следователи не жалели ни угроз, ни застраиваний, ни даже прямых пыток, когда хотели заключенного принудить к признанию и доносам.

«Был издан новый закон о «судах для государственных преступлений». По этому закону, который вступил в силу 29 мая, эти судебные учреждения подходят ближе к полевым и скорым судам, ибо в этих судах на практике у подсудимого нет возможности сослаться на свидетелей, его оправдания не принимаются во внимание, его апелляция в обычном смысле слова невозможна» (26).

Месть буржуазии не остановилась и перед социал-демократическими депутатами сейма.

«Из обвиняемых депутатов один был приговорен к смертной казни, 6 человек—к бессрочному заключению в смирительном доме, 4—на 8 лет, 1—на 11 лет, 5—на 10 лет, 5—на 9 лет, 15—на 8 лет и 2—на 7 лет. Многие из приговоренных являлись такими, которые со всем уменьем социал-изменников старались всю свою жизнь поддерживать буржуазное общество».

И вот краткие итоги скорострельной юстиции.

«Судопроизводство белогвардейской буржуазии, несмотря на то, что участь революционеров решалась быстро, наобум, подвигалось все же вперед медленно. По опубликованным 25 июля сведениям, всего было арестованных революционеров в финляндских тюрьмах 50.818. Из них было выпущено в ожидании приговора 13.000 человек. Приговорено было к тюремному заключению 5.287, условно приговорено 4.345, освобождено лишь 723 человека. О количестве смертных приговоров нет сведений, но, по сообщениям газет, этих приговоров было все-таки довольно порядочно.

«Еще в конце прошлого и в начале этого года 7 тыс. революционеров томилась в тюрьмах в ожидании своего приговора, и около двадцати белогвардейских судов работали все еще над тем, чтобы выве-

сти свой приговор мести и этим революционерам за то, что они осмелились подняться на защиту своего права».

Так расправлялась «демократическая» Финляндия с рабочими массами,—таков удел, ожидающий восстающие против гнета капитала рабочие массы в царстве «народовластия». Мы советуем всем рабочим прочесть книжку Катайя, чтобы они знали, какую «свободу», «культуру» и «цивилизацию» несет режим «демократии».

IV.

За последние годы газеты не переставали приносить известия о гонениях на евреев, переходящих в погромы в царстве «демократии».

Но хуже всего обстоят дела в Польской республике.

Западно-европейская демократия, во второй половине XIX века, выступая борцом за независимость Польши, имела в виду, что свободная, демократическая Польша явится барьером против опасности для европейской цивилизации,—опасности, грозившей со стороны варварской царской России.

По иронии всемирной истории свободная, «демократическая» Польша стала в руках империалистических держав Запада барьером против Советской социалистической России.

И эта свободная страна в своей практике воскрешает худшие времена самодержавия, организуя в массовом масштабе еврейские погромы.

Документы, опубликованные в №17 (от 18 мая 1919 г.) «Хроники Еврейской Жизни», прибавляют новые штрихи к картине деятельности погромщиков в Польше.

Вот письмо, опубликованное в варшавских еврейских газетах,—письмо члена американской комиссии по продовольствию, Цукермана.

«7-го апреля 1919 года, еврейским депутатам в сейме. Я нижеподписавшийся член американской комиссии по продовольствию, считаю своим долгом известить вас о крупном несчастье, постигшем наших евреев в Пинске. Находясь в Пинске, я занимался вопросом об организации еврейского комитета для упорядочения выдачи пособий из средств, собранных для жертв войны среди американского еврейства. Одной из ближайших задач этого комитета была раздача муки на мацу беднейшему еврейскому населению. Комитет сорганизовался, и был выработан план работы. Городские кооперативные лавки должны были служить распределительными пунктами; для планомерного распределения муки кооперативные лавки созвали общее совещание. Совещание происходило в субботу, 5-го апреля, в Народном Доме, т.-е. Сионистском Клубе, единственном легализованном еврейском локале в городе.

«Я выехал из Пинска в субботу утром и прибыл в Брест вечером в тот же день. В воскресенье вечером ко мне приехали

евреи из Пинска и рассказали, что вооруженные люди окружили Народный Дом и арестовали всех присутствовавших, через несколько часов вывели арестованных на рынок и там расстреляли всех до единого. Число расстрелянных по собранным мною сведениям достигает 50—100 человек. Позднее я узнал, что солдаты стреляли и в случайно проходивших мимо евреев. Из того же источника я узнал, что остается под арестом еще 30—40 человек. Возможно, что сейчас они уже расстреляны.

«Считаю долгом обратить ваше внимание на необходимость немедленно принять меры, так как ехавшие в одном поезде с пинскими евреями солдаты похвалялись, что это еще ничего, что пинским евреям придется еще «жарче». В. Цукерман».

А верховный законодательный орган Польской республики не упускает ни одного случая выявить свой антисемитизм.

8-го апреля в сейме обсуждался вопрос о приглашении в сейм представителей восточных окраин—Литвы и Белоруссии. Народо-демократическое большинство предлагало назначить 16 представителей окраин, разумеется из среды одного только польского населения, левая же часть требовала свободного выбора депутатов. Вопрос вызвал горячие дебаты, в которых принял участие также деп. Гринбаум, защищавший формулу оппозиции. Он указал, что обсуждаемый вопрос—чисто политический и в разрешении его заинтересованы не одни только поляки, живущие на восточных окраинах, но и другие местные народности. Не спросив последних, нельзя самим решать, будут ли эти земли принадлежать Польше или нет. Здесь говорилось,—продолжал оратор,—что польская политика стремится завоевать доверие всего населения окраин. Но приходится, к сожалению, констатировать, что по отношению к евреям этих окраин делается как раз обратное. И если правительство будет и впредь так их преследовать и допускать такие насилия, какие происходили в Пинске, что явится предметом особого запроса, то нельзя ожидать, чтобы тамошние евреи охотно желали войти в состав польского государства. В насилиях евреи видят предзнаменование новых ограничений, и против этого они всегда будут энергично протестовать...

При последних словах речи деп. Гринбаума в сейме поднялся неопишуемый скандал. Крестьянские и другие депутаты большинства готовы были по-просту броситься на оратора. При оглушительном шуме и крике антисемитов: «провокаатор, вон его, лишить его слова, долой» и т. д., оратор сошел с трибуны, провожаемый грубой бранью и угрозами.

А вот отчет еще о другом выступлении польских депутатов в сейме.

После выступления Гринбаума и Прилуцкого им давал ответ деп. Корфанти от Познанской области. «Несколько слов по адресу товарищей евреев, которые вчера здесь выступали»,—начал Корфанти, и

уже его перебили ряд восклицаний: «Какие же это товарищи?»—«Для меня и еврей товарищ, раз он заседает вместе со мною»,—великодушно парировал оратор. Евреи для него не нация, так как они не располагают национальными признаками, однако, репрессии и гонения на евреев он осуждает. Польский народ признает, что они должны пользоваться такими же правами, как в Англии, Америке, Франции, но в свою очередь должны выполнять все обязанности по отношению к государству. Кто в Польше желает занять нейтральную позицию, тот отказывается от всяких прав.

И оратор говорит о «тяжелой вине евреев перед польским обществом». Вину эту Корфанти усматривает в том, что еврейское население не может считать погромы нормальным явлением.

«После львовского погрома д-р Товий Ашкенази (вице-президент львовской городской думы) вручил франко-английской миссии генерала Бартелеми меморандум о погроме, с цифровыми данными о числе жертв и о причиненном евреям разорении, в котором указывалось, что в организации погрома принимали участие учителя гимназий, чиновники, легионеры, католическое духовенство и сестры Красного Креста. Когда же архиепископ, негодуя заявляет оратор, потребовал имена виновных, чтобы их наказать, Ашкенази отговорился, что имен у него нет.

«Негодование депутата, а вслед за ним и польской прессы усугублялось, повидимому, тем обстоятельством, что автор меморандума, д-р Ашкенази, не мог быть обвинен в провокации и умышленном дискредитировании Польши за границей, так как он, по признанию печати—«еврей, причисляющий себя к польской национальности».

А вот взятые из того же номера журнала «впечатления» из «провинциальной мозаики».

Автор вводит нас в дом экспроприированного резолюцией еврейского буржуа в провинциальном городе.

Его жена рассказывает:

— Ведь мы богачами были. Мебельную фабрику собственную имели, почет какой был, имя, положение. И теперь еще спросите любого мальчишку: кто такой был реб Хаим Ш.? Сразу скажет. Да что в городе! Во всей губернии знали моего реб Хаима.

— Да отчего же паралич его разбил?—пытался я извлечь собеседницу из области воспоминаний.

— Отняли фабрику, отняли дом—все отняли. Ну, он и не выдержал. Когда велели из дому выселиться, с ним удар приключился... И не потому, что его выселили, сердце его болело, а оттого, что пришел выселить его Довидке, тот самый Довидке, который умолял бывало реб Хаима дать ему заказ.

«И жадно она допрашивала меня, когда все это кончится?»

Но, к удивлению журналиста, на его вопрос: «Вы, конечно, желали бы, чтобы это кончилось?» Двейре ответила:

— Нет... Люди боятся погрома. А они хоть этого не допускают.

Лишенные революцией своих капиталов, буржуа боятся свержения Советской власти, ибо знают, что победа контр-революции равнозначна полосе погромов.

Ибо контр-революционная проповедь тесно сочетается всегда с антисемитской пропагандой. Вот картинка из поездки по железной дороге, взятая из той же «провинциальной мозаики»:

«В углу скамьи, припертой к окну, сидит железнодорожник, поляк, в фуражке на затылке и, нагнувшись несколько вперед, что-то тихо и злобно шепчет. Вокруг него сгрудилось несколько человек спекулянтской наружности и напряженно слушают. На лицах блаженно-довольная улыбка.

— Понимаете. Ведь вот какая штука: у самого Ленина бабушка жидовка... Ей-Богу, мне москвич рассказывал. Недаром жидовское царство наступило. Во всех совдепах жида расселись, словно в своих синагогах. Ну, и правят на манер жидовского кагала. Оттого и порядки такие...

Аудитория радостно поддакнула. Оратор трусливо озирается по сторонам, вытирает рот рукавом и продолжает вполголоса:

— И погибели нет на них, проклятых жидов. Чего русский народ смотрит. Дурак, он, русский народ—вот что. Всякий ему на шею сядет. У нас, брат, в Польше не то. Там жидам воли не дают, здорово их потрепали. Слыхали—город такой есть—Львов. Город он польский, да жида тамошние заупрямились: не хотим Львова Польше отдать. И заодно с врагами против законной власти пошли. Ну, и досталось же им на орехи, хе, хе, хе... Закатали же им баню, хе, хе, хе... «Так их, сволочь, и надо»,—одобрил степенный мещанин, с круглым красным лицом.

Вся спекулянтская шваль, больно ущемленная рабочей властью, настроена погромно.

А когда черным бандам удастся взять верх над властью рабочих и крестьян—неизбежным следствием их победы для еврейского населения является кровавая баня.

Вот что пишет корреспондент журнала из м. Хайники, Могилевской губернии.

Восставшие части западной дивизии, желавшие свергнуть власть «грабителей народа», как они выражаются в своем манифесте, бросились на район Гомеля и Речицы и уездных местечек и принялись разыскивать евреев-коммунистов и оружие (чит.: еврейские деньги и ценности).

Ужасным даже в истории еврейских погромов бедствиям подверглись жители ст. Василевичей. Банда хулиганов и грабителей в 15.000 человек бросилась на 85 еврейских семейств и бушевала целых 5 дней—с 27 по 31 марта. Каждые 5—10 минут менялась партия, прибывали новые эшелоны и тотчас же устремлялись в

местечко разорять и грабить. Грабили деньги, забирали последнюю одежду и обувь, дорогие вещи, съестные припасы. Раздевали людей до-нага; стаскивали последние брюки и сапоги; голые и босые люди прятались в лесах и болотах. Передо мною письмо васильевского раввина, просящего о помощи. «Сижу,—пишет он,—пятый день в доме и не могу показаться на улице, ибо остался без одежды и обуви. Когда последним партиям уже нечего было грабить, когда все ценное было разграблено солдатами, а оставшая домашняя утварь расхищена крестьянами и в домах сохранились только 4 стены да разбитые окна, тогда они, чтобы выместить свою злобу, стали убивать. Не довольствовались нашим достоянием,—пишет раввин,—но жаждали крови. 10 человек лучших людей местечка были убиты самым зверским образом. Достаточно было одного слова какого-то мальчишки, что «он»—коммунист, и пожилой еврей был тут же убит посреди улицы. Другой еврей видит это в окно и спустя некоторое время выходит, чтобы внести мертвеца в дом, спасти хоть мертвое тело от собак, и его постигает та же участь. Он ложится рядом с первым. Издевались над еврейскими девушками самым зверским образом. Одна не вынесла позора и тут же скончалась. Трупы убитых валялись по разным местам, и некому было хоронить; наконец, некоторые крестьяне собрали их вместе и схоронили их на поле, ибо там и еврейского кладбища нет. Даже и последнего удовольствия «быть погребену по обряду Израилеву» они были лишены».

В местечке Хойниках того же уезда дело обстояло уже более благоприятно. Приехали они в Хойники в субботу 29 марта, под предводительством одного бывшего офицера, местного уроженца. Тут же они потребовали 40.000 рублей. Хотя для такого местечка этого много, но решено было собрать деньги. Вдруг этот отряд уехал. На-завтра приехал новый отряд и сейчас же со станции пустился по местечку. Успели они зайти в некоторые дома и забрать значительную сумму денег, но благодаря энергии и самоотвержению председателя местной организации Полей Цион грабеж со стороны солдат был прекращен. Они потребовали 150 пар сапог, 150 пар белья и хлеба.

А ведь восстания против Советской власти проходят обычно под знаменем Учредилки, освящающим еврейские погромы.

Где Советская власть—там нет погромов; где она свергается—там торжествует средневековое варварство.

У.

Польская «демократическая» республика, вышедшая из недр всеобщего голосования, далека от идеала свободы, равенства и братства, той мифической «чистой» демократии, которая существует в воображении Каутского и его друзей. Так, в Польской республике

далек от своего осуществления идеал национального равенства, наоборот, повседневным явлением стали жестокие еврейские погромы.

Вот сведения, которые мы находим в № 16 сионистской «Хроники Еврейской Жизни» от 9 мая 1919 г. под рубрикой: «Зверства поляков в Пинске»:

«Прибывшие в Минск беженцы из Пинска передают кошмарную весть о расстреле 37 мирных граждан. С вступлением поляков в город общественная жизнь совершенно замерла. Только сионисты еще проявляли кое-какие признаки жизни. За несколько дней до Пасхи получены были благотворительные деньги из Америки для распределения между бедным населением. Сионисты, с разрешения польских военных властей, собрались в своем клубе (Купеческая ул., № 30) для обсуждения чисто технических вопросов, связанных с распределением вышеназванных денег. Каким-то провокатором, вероятно подосланным теми же польскими войсками, была запрятана винтовка внизу в коридоре, дабы дать возможность обвинить собравшихся в намерении разоружить польский гарнизон. Явившиеся польские войска окружили помещение клуба, и собравшиеся были арестованы. Затем стали пропускать арестованных через двери—из одной комнаты в другую—по очереди и каждого второго приговаривали к расстрелу. Всего в помещении клуба находилось 47 человек мужчин и женщин. Таким образом к смерти было присуждено 37 человек. Несчастных повели на базарную площадь, приставили к монастырской ограде, и все были скошены привезенным туда пулеметом. Некоторых по дороге к месту расстрела успели выкупить из рук солдат за большие деньги, но, чтобы пополнить роковое число 37, по улице были схвачены другие, имевшие несчастье в эти страшные минуты попасться на глаза бандитам. Так, был схвачен на улице ученик коммерческого училища Гакельман и также был расстрелян. Среди расстрелянных имеются видные обыватели города. Так, например, расстрелян частный поверенный Бешут.

«Еще один замечательный факт из этой кровавой эпопеи: когда председателю партии «Поалей Цион», заграничному студенту Меднику, было объявлено, что он по жребию не подлежит расстрелу, он заявил палатам: «Если вы можете расстреливать совершенно невинных людей, то я не хочу милосердия из ваших рук. Я пойду с теми, на чью долю выпала смерть». Его расстреляли вместе с остальными».

Депутатами польского сейма Гринбаумом, Прилуцким и др. был внесен по поводу этого кошмарного события запрос министру-президенту и военному министру.

Еврейские депутаты сделали два нижеследующих сообщения о массовых убийствах еврейского населения в г. Пинске, допущенных военными властями 5 апреля, жертвой коих пало 40 невинных евреев.

Сообщение первое содержит письмо г. Цукермана, члена американской комиссии по продовольствию.

Сообщение второе гласит: «Г. Симон Рикверт прибыл в Пинск по поручению американской секции при сионистской организации в Польше для передачи денег, присланных из Америки и предназначенных для распределения в Пинске.

«В субботу, 5 апреля 1919 г., пинское население, преимущественно еврей, было привлечено к трудовой повинности (чистка казарм, рубка дров и соби́рание картофеля). Около 5 час. пополудни двое юношей, заметив приближавшихся солдат, повернули к еврейскому народному дому Бет-ам. Солдаты последовали за ними. В помещении находилось несколько десятков человек: одни собрались на заседание сионистского кооператива, устроенное с разрешения коменданта города; другие пришли для получения справок, в связи с прибытием денег из Америки. Список лиц, на имя которых получились деньги, был вывешен в помещении Бет-ама. Кое-кто из присутствовавших читал газеты; солдаты хотели было отправить всех присутствовавших на принудительные работы, но взяткой их удалось умиловить. Однако, не прошло и получаса, как из казарм, помещающихся по близости Бет-ама, в здании реального училища, пришел отряд солдат и окружил народный дом. Несколько солдат ворвались в помещение и вызвали своим появлением большое смущение среди собравшихся. Один из них, Моисей Глауберман, в ужасе попытался к выходу, но был застрелен на месте. Солдаты дали залп в воздух. Всех присутствовавших вывели на улицу и повели, по четверо в ряд, в комендатуру. Свидетель Симон Рикверт, находившийся в доме коменданта, видел, как при личном осмотре издевались над несчастными. После того, как у арестованных были отобраны все сколько-нибудь ценные вещи, как-то: часы, деньги, их отвели на рынок у монастыря (Торговая площадь) и построили в шеренги. Раздались душераздирающие вопли.

«Свидетель находился в это время на рынке. Офицер подошел к нему и спросил, что он делает. Проверив документы г. Рикверта, он посоветовал ему повернуть в боковую улицу, что тот и исполнил. Переходя через улицу, Рикверт увидел приближавшийся автомобиль, освещенный яркими карбидовыми рефлекторами, с солдатами. Не успев войти в свой номер в гостинице по Большой Вовской ул., он услышал пулеметную пальбу и ружейные залпы.

«На другой день он узнал от проживающих на рынке евреев, что арестованных разделили на две группы, из которых первая была расстреляна на месте, а вторая—передана польской жандармерии. Сведения это было подтверждено комендантом в разговоре со свидетелем.

«В субботу перед расстрелом г. Рикверт спросил поручика в комендатуре на Петербургской ул. о причине издевательств над аресто-

ванными. Поручик ответил, что арестованные большевики, что они убили офицера и солдата и что в Бет-аме обнаружено было орудие. На другой день после расстрела свидетель справился у коменданта, действительно ли обнаружено было орудие в еврейском народном доме и убиты офицер и солдат. Комендант не подтвердил этого сообщения, однако, заявил, что у арестованных найдены были красные значки и в помещении Бет-ама револьвер. Варшава, 8 апреля 1919 г.»

Польское демократическое правительство идет по стопам царизма. Как известно, Плеве оправдывал Кишиневскую резню еврейских граждан революционностью еврейского народа. Так и теперь официальное польское телеграфное агентство в своем сообщении о пинских событиях объясняет их тем, что расстреляны были «большевики». «Хроника Еврейской Жизни» замечает по этому поводу:

«В этом сообщении замечательно то, что в подтверждение своей версии польское телеграфное агентство ссылается на свидетельство американской миссии, члены которой, еврейской национальности, уже успели «к счастью» отправить свой отчет о событиях.

«Увы, агентство не знало, что еврейские депутаты сейма получили сообщение о массовом расстреле в Пинске не от кого другого, как именно от члена американской миссии по снабжению продовольствием, и на этом сообщении основали свой запрос, рисуящий «дело» совсем в ином свете. Расстреляны не «большевики», как старается уверить агентство, а ни в чем неповинные, первые попавшиеся евреи».

Капиталистическая «демократия» подвергает расстрелам не только «большевиков», т.-е. сознательных рабочих передовиков, но и представителей еврейской нации, за то только, что они евреи.

Плутократическая «демократия» равнозначна не только неприкрытой классовой войне буржуазии против пролетариата, но и войне господствующей буржуазной нации против наций угнетенных.

И только Советская власть, власть рабочих и крестьян, полагая конец эксплуатации одного класса другим, уничтожает тем самым в корне и национальное угнетение. Только в царстве Советов нет места ни для угнетения одного класса другим, ни для угнетения одной нации другой.

Цена 15 руб.

Указанная на книге цена никем не
может быть повышена.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕТЕРБУРГ ■ 1920

